

О.Р. Губецков

ВОЕННАЯ ПРОЗА ЭРНСТА ЮНГЕРА И ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется влияние философских идей Фридриха Ницше на раннее творчество Эрнста Юнгера на материале таких произведений, как «В стальных грозах», «Борьба как внутреннее переживание», «Огонь и кровь», «Перелесок 125», «О боли», «Рискующее сердце. Записки днем и ночью». Предпосылкой творчества и Ницше, и Юнгера является духовный кризис европейского общества рубежа XIX–XX вв., описанный в работах Ницше, противопоставившего периоду упадка грядущую эру сверхчеловека. Осмысление Первой мировой войны позволяет Юнгера, вдохновляемому идеями Ницше, выстроить собственную художественную реальность, в которой война оказывается альтернативой защищенному бюргерскому существованию и одновременно возможностью преодоления человеческой природы в «дионисийском» упоении битвой. Юнгер пользуется важными для Ницше понятиями: человек как разумное животное, жизнь как бесконечная опасность, как война за идеи, как естественный отбор. Юнгер рисует в своих произведениях образ физически и психологически выносливого человека — воина, находящегося в постоянной готовности к схватке с противником, познающего себя лишь в сражении. Состояние, в котором пребывает солдат, причастный насилию, формирует круг ключевых для Юнгера метафорических рядов, сходных по духу с ницшевскими, носящих мистериальный характер и определяющих такие явления как война, кровь, страх, эрос, сон, опьянение, смерть. Стремление воссоздать в приложении к военному материалу и дух, и букву ницшевской прозы выделяет Юнгера даже на фоне общего ницшеанства немецкой литературы первой половины XX в.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер; Фридрих Ницше; философия жизни; Первая мировая война; кризис духа; сверхчеловек; цивилизация; дионисийское; «В стальных грозах».

Эрнст Юнгер (1895–1998) известен во всем мире в первую очередь как автор военной прозы, отражающей события Первой мировой войны (1914–1918). Не всегда находящийся в центре внимания чита-

Губецков Олег Русланович — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: oleg_gubecov@mail.ru).

телей и исследователей военный опыт Фридриха Ницше (1844–1900), связанный с его участием в качестве санитаря во Франко-прусской войне (1870–1871), оказал на него влияние не менее значительное, чем мировая война — на Юнгера [Broch, 1986: 124]. Духовный кризис рубежа XIX–XX вв. будет осмысляться Ницше в том числе в свете политических и военных катаклизмов, свидетелем которых был он сам. Юнгер попытается сделать то же самое, придав своему видению войны «наиболее острую, атавистическую и модернистскую форму», по точному замечанию К.Х. Борера [Bohrer, 1978: 104]¹.

Воздействие Ницше на Юнгера отмечают самые разные исследователи². Несмотря на то что факт чтения им философа во время Первой мировой достоверно не подтвержден [Kiesel, 2012: 255], можно сказать, что мысль Юнгера на раннем этапе вращается в орбите наследия «старого запальщика» (*der Alte Pulverkopf*), как сам Юнгер с долей иронии позже назовет Ницше [Jünger, 1960–1965, 9: 193]³, словно отдавая дань уважения не только мыслителю, но и артиллеристу (в этом роде войск Ницше проходил добровольную службу в 1867–1868 гг.) [Jünger, 1960–1965, 7: 94]⁴.

Военная проблематика неотделима от критики буржуазной цивилизации в творчестве и Ницше, и Юнгера. Философия Ницше основывается на резком неприятии общественных устоев XIX в., ориентированных на христианскую мораль. «Каким же чудовищно лживым уродом (*Was für eine Missgeburt*) должен быть современный человек, чтобы... не стыдиться называть себя христианином!» [Ницше, 2009, 6: 147] — пишет Ницше в «Антихристе» (*Antichrist*, 1895), приводя в качестве примера христианского мировидения русский роман, погружающий читателя в мир Достоевского, «смесь тонкости, болезненности и ребячливости» [Ницше, 2009, 6: 139]. Теология не входит в число тем, интересующих раннего Юнгера, однако отсылки к русским романам, также присутствующие в его творчестве, не оставляют сомнений в критическом настрое по отношению к христианской мысли: «Жалкий народ униженных и оскорбленных — это выступление против всего, что возвышено и что никогда не опустилось бы до того, чтобы терпеть унижение и оскорбление» [Юнгер, 2010: 246].

Критикуя систему ценностей, берущую свое начало в Новом Завете, Ницше пытается опровергнуть представление о богоподобии человека: «Мы уже не выводим человека из «духа», из «божества», мы

¹ Здесь и далее пер. мой. — *О.Г.*

² См. [Kiesel, 2012: 253–270].

³ Здесь и далее цит. по: *Jünger E. Werke in 10 Bänden*. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965.

⁴ Ницше пишет сам о себе в «*Ecce homo*»: «*Ich bin kein Mensch, ich bin Dynamit*» [Nietzsche, 1922: 116].

опять поместили его среди животных» [Ницше, 2009, 6: 119]. Юнгер также склонен полагать, что человек по своему происхождению близок животному: «Пусть дикость, грубость, ослепительные инстинкты сглажены, притуплены, отшлифованы тысячелетиями, а общество обуздало порывы страстей», «животное начало по-прежнему спит» в людях [Jünger, 1960–1965, 5: 17].

Уподобление человека хищнику в ницшеанском духе является характерной, подчас отталкивающей чертой эстетики Юнгера [Jünger, 1960–1965, 1: 245–246, 330]. В этом смысле война для Юнгера — способ высвобождения первобытных инстинктов в человеке: «Когда дикого зверя вырывают из его пещеры или когда моряк видит, как спасительная доска уплывает у него из-под ног, их чувства, пожалуй, можно сравнить с теми, которые испытывали мы, расставаясь с надежной, теплой штольней и отправляясь в негостеприимную ночь», — размышляет Юнгер, сам будучи участником процесса [Юнгер, 2000: 267], причем сходство человеческой и животной природы подчеркивается им на общем и индивидуальном уровне, как бы изнутри и со стороны. К примеру, военные на обстреливаемом участке, за которыми рассказчик следит из укрытия, напоминают ему животных в степи [Jünger, 1960–1965, 1: 131]. Животные черты приоткрываются в юнгеровском солдате не только на поле боя, но и в любви. В эссе «Борьба как внутреннее переживание» (*Der Kampf als inneres Erlebnis*, 1922) Юнгер говорит о «солдатах любви» (*Landsknechte auch der Liebe*), у которых нет времени на сантименты, необходимые «бюргерским дочкам», и женщинах, чьи тела, готовые к любви, представляли собой «чистую функцию» (*reine Funktion*) [Jünger, 1960–1965, 1: 41]. Наконец, животное начало — последнее, что остается, когда человек умирает: так, смертельно раненный солдат взирает на товарищей «как затравленный зверь» [Jünger, 1960–1965, 1: 67].

Однако и Ницше, и Юнгер при всей броскости подобных параллелей признают несомненную разницу между человеком и животным. Для Ницше она, прежде всего, воплощается в восприятии обоими категории времени. «Столь неисторически живет животное: оно растворяется в настоящем» [Ницше, 2014, 1 (2): 88], — пишет он в работе «О пользе и вреде истории для жизни» (*Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben*, 1874), в то время как человека преследует «груз прошлого» (*Last des Vergangnen*). В военных дневниках «В стальных грозах» (*In Stahlgewittern*, 1920) Юнгер в духе «Несвоевременных размышлений» не ностальгирует по прошлому при описании военных действий, но, представляя читателю совокупность записей, основанных на реальных событиях, сужает пространственно-временные отношения в них до предела, что придает картине скорее мифический, нежели реальный оттенок [Ernst Jünger-Handbuch, 2014: 48]. В то же время как аналитик эпохи Юнгер

вслед за Ницше приветствует новое время как нечто иноприродное всему ушедшему [Jünger, 1960–1965, 5: 13, 158].

Следует подчеркнуть, что постулируемое Юнгером возвращение человека к первобытным инстинктам не является отходом назад вглубь истории, но, наоборот, соответствует критике Ницше современной эпохи и укладывается в представления о сверхчеловеке как существе полнокровном, готовом к борьбе за выживание. Юнгер описывает схватку двух солдат так, что вне контекста не сразу удастся понять, идет ли речь о человеке или о животном: «...Эти два существа находятся в первобытном отношении друг против друга, в голой борьбе за существование. В этой борьбе слабый остается на земле, в то время как победитель переступает через него, крепче сжимая оружие в руке — в дальнейшую жизнь и борьбу» [Jünger, 1960–1965, 5: 19]. Юнгер оперирует теми же мотивами, что и Ницше, ср.: «Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть» [Ницше, 2009, 6: 111].

В «Несвоевременных размышлениях» Ницше, говоря о восприятии времени, фактически имеет в виду разумную природу человека по сравнению с животным. Характерно, что для Юнгера разум также является главным мерилем ценности человеческой природы. Однако для него, в отличие от Ницше, имевшего негативный опыт войны, способность к познанию приводится в действие именно в военной обстановке и неотъемлемо связана с сопутствующим войне чувством страха: «Это крик, давно забытый в потоке культуры, крик познания, ужаса и жажды крови» (Erkennen, Grauen und Blutdurst) [Jünger, 1960–1965, 5: 19]. В ранних произведениях Юнгера много места уделяется описанию ситуаций наивысшей степени риска, как в эпизоде разведывательной операции: «Зрение и слух обострены до предела, приближающийся шум чужих шагов в высокой траве обретает невероятную, почти роковую силу... Столкновение будет кратким и смертельным. Охватывает дрожь под воздействием двух мощных чувств: растущего азарта охотника и страха его жертвы» [Юнгер, 2000: 104].

Подобные ситуации и делают возможным тот особый тип «познания» (Erkennen), о котором пишет Юнгер. Переживание смертности своей природы, сопутствующее человеку на протяжении всей жизни, сглаженное, по мнению автора, культурой и цивилизацией, незнакомо животному. Таким образом, постулируя возвращение к первобытным инстинктам в ходе сражения, Юнгер парадоксальным образом одновременно утверждает и выход человека за пределы животной природы: «Животное может испытывать испуг (Schreck), когда внезапно его настигает опасность; может испытывать страх (Angst), когда его преследуют и загоняют в угол, но ужас (Grauen) ему неведом. Он первый проблеск разума» [Jünger, 1960–1965, 5: 21].

Тем не менее, наряду с христианской моралью, именно господство рационального начала в науке и общественной жизни Европы рубежа XIX–XX вв. является для Ницше и Юнгера причиной вырождения цивилизации (*das entartende Leben*) [Ницше, 2009, 6: 82]. Современная наука одинаково критикуется обоими авторами, поскольку, по словам Ницше, превращается в своего рода «индустрию», имеющую «обездушивающее влияние» (*entgeistigender Einfluss unsres jetzigen Wissenschaft-Betriebs*) [Ницше, 2009, 6: 55]. Ницше вторит Юнгер: в его глазах вся суть деятельности, к примеру, современных психологов — «мыслительная пудра», в которую они «растирают состав всех четырех факультетов», чтобы скрыть «обломки XIX века». Последователей Просвещения Юнгер называет «идолопоклонниками» (*Götzendiener der Vernunft*) и «шарлатанами» (*Scharlatanen der Wissenschaft*), противопоставляя им «жизненную полноту мира» (*die lebendige Fülle der Welt*) [Юнгер, 2010: 188, 132].

В «Сумерках идолов» (*Götzendämmerung*, 1889) Ницше касается проблемы демократии и современных общественных институтов как признаков наступившего декаданса (*décadence*). Данные понятия, на его взгляд, второстепенны, поскольку нацией утрачены инстинкты, которые и придают силу институциям [Ницше, 2009, 6: 87]. Как следствие, Ницше проповедует идеал жизни в постоянной опасности (*gefährlich leben*), и с этим связан особый воинствующий тон его сочинений. «Отказываясь от войны, отказываешься от великой жизни», — продолжает Ницше в «Сумерках идолов» [Ницше, 2009, 6: 37]. Сама эта книга является для него «великим объявлением войны» (*eine große Kriegserklärung*) [Ницше, 2009, 6: 12] «презренному благоденствию, о котором мечтают мелочные лавочники, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы» [Ницше, 2009, 6: 86]. Юнгер видит в Ницше единомышленника, признавая «воинственность» жизни [Юнгер, 2010: 136]. О «Воле к власти» Ницше писатель говорит слогом своих военных дневников как о «поле битвы, где воинствующая мысль не успела собрать своих трофеев и останков...» [Юнгер, 2010: 113–114].

В войне, объявленной Ницше буржуазному сознанию, идея письма становится главным оружием. Важнейшие составляющие его стратегии — стилистические средства, призванные эпатировать читателя: «Тут-то послужить врачом, неуступчивым, со скальпелем в руках, — наша обязанность, наш способ любить людей...» [Ницше, 2009, 6: 114]. Эстетика насилия и ужаса, свойственная стилю Юнгера, имеет ту же природу. На страницах «Стальных гроз» автор «уничтожает» ненавистный ему бюргерский быт, изымая привычные вещи из их «естественной» среды обитания, рисуя чудовищные нагромождения предметов домашнего и военного обихода [Jünger, 1960–1965, 1: 46, 464], образующих подобие некоего хаотичного

единства. Так, воедино оказываются слиты повозки, боеприпасы, усеянные мухами трупы лошадей, развалины церкви и дикие розы [Jünger, 1960–1965, 1: 282].

Рассказчик и сам потрясен увиденным: шоковая реакция, возникшая в начале «Стальных гроз» при виде первого раненого [Jünger, 1960–1965, 1: 12], не исчезает до конца книги. Это ощущение неправдоподобности, нереальности происходящего граничит со сном. В первой редакции «Рискующего сердца» (*Das abenteuerliche Herz. Aufzeichnungen bei Tag und Nacht*, 1929) Юнгер пишет, что «тремя ключами» ко всем переживаниям его повествователя являются состояния опьянения (*Rausch*), сна (*Schlaf*) и смерти (*Tod*) [Jünger, 1960–1965, 7: 68]. По Ницше, человек воспринимает жизнь наиболее полно в двух состояниях: во сне и в опьянении [Staub, 2000: 43]. «Ликующий ужас» Ницше (*das frohlockende Ungeheuer*) [Nietzsche, 1921: 322], оправдание бытия Заратустрой (*In alle Abgründe trage ich da noch mein segnendes Ja-sagen*) [Nietzsche, 1999: 209] — все это является свидетельством особого «дионисийского» настроения [Bohrer, 1978: 117], свойственного стилю Юнгера, который стремится передать его по возможности наглядно. Так, фигуры военных оказываются не только похожими на хищных зверей, но и принимают очертания танцоров, кружащихся в эйфории битвы (*Tänzer im Rausche der Schlacht*) [Ernst Jünger-Handbuch, 2014, 60], отсылая к излюбленному ницшевскому мотиву [Nietzsche, 1900: 88]. Сам автор дневников, подобно канатоходцу Ницше [Nietzsche, 1999, 4: 22], смотрит навстречу опасности и находит успокоение в осознании себя как части вечного круговорота жизни и смерти [Jünger, 1960–1965, 1: 157]. Чем безнадежнее ситуация, чем бессмысленнее потери, тем большую ценность они приобретают для Юнгера-писателя, воспевающего борьбу за жизнь.

Характерно, что Юнгер сближает между собой понятия страха, сна, смерти, эротического влечения и познания, за счет чего описываемые сцены оказываются сродни мистериальному действу. Герой Юнгера пребывает в некоем состоянии «сна наяву», испытывая жажду насилия [Jünger, 1960–1965, 1: 258]. Автор в ярких красках передает сцены убийства человека: английскому стрелку его пуля проходит сквозь оба виска, выбивая глаз из глазницы, что рассказчик спешит «занести на свой счет» [Jünger, 1960–1965, 1: 523].

Юнгер подчеркивает элемент «зрелищности» в описаниях жутких сцен, отчасти их эстетизируя: «Я смотрел на эту бойню, разыгравшуюся на краю нашего маленького земляного укрепления, с пристальным вниманием, как из театральной ложи» [Юнгер, 2000: 279]. В романе «Огонь и кровь» Юнгер сравнивает битву с кроваво-красной орхидеей, называя «произведением искусства» (*ein Kunstwerk*) [Jünger, 1960–1965, 1: 476]. В определенном смысле

писатель последователен: следующей ступенью «дионисийского» экстаза становится видение войны как искусства, способность различить в опасном красоту, насладиться ей в полной мере [Martus, 2001: 36], что соответствует духу прозы Ницше. По мнению философа, лишь искусство приносит избавление — духовно бесстрашное искусство, которое в конечном счете всегда выступает оправданием бытия [Hillebrand, 1991: 94].

Особая художественная логика проявляется и в том, что, чем подробнее Юнгер разрабатывает свою, по выражению Борера, «иконографию ужаса» (Ikonographie des Schreckens), тем в большей степени им изображенное освобождается от историко-политического контекста. Такого рода «иконография» позволяет представить вещи опосредованно [Bohrer, 1978: 91], т.е. исключительно в художественной плоскости. При этом Юнгер в некоторой мере выступает новатором в литературе, создавая альтернативу канонам психологической прозы XIX в. Согласно Юнгеру, метод психологизации является пережитком буржуазной эпохи, оторванной от настоящей жизни; следствием его становилось замыкание личности на самой себе [Mörchen, 1973: 78]. В произведениях Юнгера акценты смещаются: демоническое личностное начало переносится из сферы внутреннего мира персонажей в сферу надындивидуальную — мир сугубо внешний. Разрушительную в своей основе действительность в полной мере воплощает явление войны.

Итак, ранняя проза Юнгера является одним из наиболее ярких примеров художественного осмысления философии жизни в начале XX в. Несмотря на различие в оценке военного опыта Ницше и Юнгером, последний оперирует философскими метафорами предшественника, строя на их основе собственную поэтику переживания войны. Юнгер исходит из важнейших философских постулатов Ницше, как то: животное происхождение человека, критика буржуазной цивилизации, апология опасного существования. Стилистически прозу Юнгера, склонного к изображению шокирующих сцен, роднит с Ницше стремление передать опыт, выходящий за рамки обывательского, доступный «по-дионисийски» опьяненному духу, открывающему для себя новую степень свободы.

Список литературы

1. *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1 (2) (О пользе и вреде истории для жизни / Пер. с нем. Я. Бермана, А. и Е. Герцык). Т. 6 (Антихрист) / Пер. с нем. А.В. Михайлова). М., 2009–2014.
2. *Юнгер Э.* В стальных грозах / Пер. с нем. Н. Гучинской, В. Ноткиной. СПб., 2000.
3. *Юнгер Э.* Рискующее сердце / Пер. с нем. В. Микушевича. СПб., 2010.

4. *Bohrer K.H.* Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk. München; Wien, 1978.
5. *Broch H.* Das Böse im Wertsystem der Kunst. Kommentierte Werkausgabe. B. 9/2. Schriften zur Literatur 2. Theorie. F. a. M., 1986.
6. Ernst Jünger-Handbuch. Leben — Werk — Wirkung. Hrsg. *H. Schwilk*. Stuttgart / Weimar, 2014.
7. *Kiesel H.* Nietzsche bei Ernst und Friedrich Georg Jünger // Nietzsche als Philosoph der Moderne / Hg. von B. Neymeyr, A. Urs Sommer. Heidelberg, 2012. S. 253–270.
8. *Hillebrand B.* Ästhetik des Nihilismus. Von der Romantik zum Modernismus. Stuttgart, 1991.
9. *Jünger E.* Werke in 10 Bänden. B. 1, 5, 7, 9. Stuttgart, 1960–1965.
10. *Martus S.* Ernst Jünger. Stuttgart/Weimar, 2001.
11. *Mörchen H.* Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre. Stuttgart, 1973.
12. *Nietzsche F.* Sämtliche Werke in 15 Bänden. B. 4. Kritische Studienausgabe. M., 1999.
13. *Nietzsche F.* Nachgelassene Werke. Band 15. Leipzig, 1922.
14. *Nietzsche F.* Nietzsches Werke. Band 5, 7. Leipzig, 1900–1921.
15. *Staub N.* Wagnis ohne Welt: Ernst Jüngers Schrift “Das abenteuerliche Herz” und ihr Kontext. Würzburg, 2000.

Oleg Gubetskov

ERNST JÜNGER’S WAR PROSE AND THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article explores the influence of Friedrich Nietzsche’s philosophy on Ernst Jünger’s early works, *Storm of Steel*, *Battle as Inner Experience*, *Fire and Blood*, *Copse 125*, *On Pain*, and *The Adventurous Heart*. The literatures of Nietzsche and Jünger are rooted in the contemplation of the fin-de-siècle cultural crisis. Nietzsche viewed it as decadence which would be followed by an “age of Superman”. Reflecting on World War I and Nietzsche’s philosophy enables Jünger to construct a specific literary reality, where war becomes an alternative to bourgeois life and the opportunity to reach a sacred superhuman existence. Jünger adopts Nietzsche’s similes of man as a smart animal and of life as endless danger, as a struggle for an idea, as natural selection process. Using these notions, Jünger creates his character of a stoic soldier who demonstrates great physical and emotional strength, who is ever ready to face his enemy. Jünger’s key metaphors inspired by Nietzsche are war, blood, fear, Eros, dream, Dyonisian intoxication, and death. They have a semi-sacred meaning. The ability of adopting Nietzsche’s ideas and

style makes Jünger unique among Nietzsche's followers in early 20th century German literature.

Key words: Ernst Jünger; Friedrich Nietzsche; philosophy of life; World War I; fin de siècle; cultural crisis; the Superman; civilisation; Dionysian; "Storm of Steel".

About the author: *Oleg Gubetskov* — PhD Student, Department of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: oleg_gubeckov@mail.ru).

References

1. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh*. [Complete works] Vol. 6. M., *Kulturnaia revoliutsiya Publ.*, 2009 (408 p.), 2014 (480 p.). (In Russ.)
2. Jünger E. *V stalnykh grozakh*. [Storm of Steel] SPb., *Vladimir Dal Publ.*, 2000. 330 p. (In Russ.)
3. Jünger E. *Riskuyushee serdse*. [The Adventurous Heart] SPb., *Vladimir Dal Publ.*, 2010. 327 p. (In Russ.)
4. Bohrer K.H. *Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk*. München, Wien, *Carl Hanser Verlag*, 1978. 634 p.
5. Broch H. *Das Böse im Wertsystem der Kunst*. Kommentierte Werkausgabe. B. 9/2. Schriften zur Literatur 2. Theorie. F. a. M., *Suhrkamp*, 1986. 320 p.
6. *Ernst Jünger-Handbuch. Leben — Werk — Wirkung*. Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart/Weimar, *Metzler*, 2014. 439 p.
7. Kiesel H. *Nietzsche bei Ernst und Friedrich Georg Jünger*. Nietzsche als Philosoph der Moderne. Hg. von B. Neymeyr, A. Urs Sommer. Heidelberg, *Universitätsverlag Winter*, 2012. S. 253–270.
8. Hillebrand B. *Ästhetik des Nihilismus*. Von der Romantik zum Modernismus. Stuttgart, *Metzler*, 1991. 237 p.
9. Jünger E. *Werke in 10 Bänden*. B. 1, 5, 7, 9. Stuttgart, *Ernst Klett*, 1960–1965. 556 p., 538 p., 497 p., 515 p.
10. Martus S. *Ernst Jünger*. Stuttgart/Weimar: *Metzler*, 2001. 269 p.
11. Mörchen H. *Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre*. Stuttgart: *Metzler*, 1973. 141 p.
12. Nietzsche F. *Sämtliche Werke in 15 Bänden*. B. 4. Kritische Studienausgabe. M.: *DTV*, 1999. 420 p.
13. Nietzsche F. *Nachgelassene Werke*. B. 15. Leipzig: *Alfred Kröner Verlag*, 1922. 502 p.
14. Nietzsche F. *Nietzsches Werke*. B. 5, 7. Leipzig: *Verlag Naumann*, 1900–1921. 362 p., 484 p.
15. Staub, N. *Wagnis ohne Welt: Ernst Jüngers Schrift „Das abenteuerliche Herz“ und ihr Kontext*. Würzburg: *Königshausen und Neumann*, 2000. 360 p.